

Светлана Мироновна Назарова

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РАБОТАХ ТЕОДОРА ДЕЗАМИ

Французский ежегодник 1975

М.: Наука. 1977. С.187-203

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Проблема социальной революции была поставлена еще бабувистами. Неудовлетворенность предпролетарских масс итогами революции, их неясные социальные чаяния нашли свое отражение в этих бабувистских требованиях борьбы за «равенство фактическое», а не формальное, равенство в социальной области, а не только в политической.

В 30—40-е годы во Франции, в обстановке дальнейшей социальной дифференциации и складывания рабочего движения, бабувистские идеи находят благоприятную почву для своего распространения. Мы находим их в республиканских обществах, тайных рабочих организациях, коммунистической прессе 30—40-х годов. Во французском рабочем движении складывается движение, именовавшееся «необабувизмом», представители которого стремились не только возродить идеи Бабефа, но и развить их дальше. Движение это не было однородным, внутри него было немало оттенков и нюансов. Наиболее левое и революционное направление возглавлял Теодор Дезами. К. Маркс высоко оценил и выделил именно это направление среди множества школ и течений, существовавших тогда во французском рабочем движении. «Более научные французские коммунисты, *Дезами, Гей* и другие,— писал Маркс,— развивают, подобно Оуэну, учение материализма как учение *реального гуманизма* и как *логическую основу коммунизма*»¹. Обращаясь к творческому наследию Т. Дезами, мы сосредоточим внимание на проблеме социальной революции, так как нам кажется, что вклад Дезами в историю и практику борьбы французского пролетариата и международного рабочего движения определяется именно постановкой и разработкой этой проблемы.

* * *

Специальной литературы, больших монографических исследований о жизни и деятельности Т. Дезами нет. Но любая крупная работа по истории социализма, социалистической мысли, рабочего движения Франции тех лет отводит место некоторому анализу и исследованию его творчества.

В работах буржуазных историков Ж. Сансье², Ж. Моранжа³, а также мелкобуржуазного социалиста Б. Малона⁴ мы находим некоторый анализ его взглядов, отдельных его работ. И хотя подчас дается высокая оценка его материалистических взглядов в области философии природы, отмечается, что он обладал «научным умом и ясно видел проблемы времени»⁵, все же исследование сосредоточивается на вопросах второстепенных (брак, условия быта при коммунизме), Дезами приписываются наст-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 146.

² Sencier G. Le Babouvisme après Babeuf. Paris, 1912.

³ Morange G. Les idées communistes dans les sociétés secrètes et dans la presse sous la monarchie de Juillet. Paris, 1905.

⁴ Malon B. Histoire du socialisme en France. Paris, 1882—1885.

⁵ Ibid., p. 155, 158.

роения, ему не присущие (уничтожение семьи при коммунизме, черты грубой уравнительности)⁶; и не освещается главное — революционная направленность взглядов Дезами.

В небольшой работе А. Кахане⁷ исследуется далеко не полно и, на наш взгляд, не глубоко творческое наследие Дезами. Основная работа Дезами «Кодекс общности» рассматривается автором как «собрание пропагандистских речей и выступлений». Основные проблемы его творческого наследия не освещены. Не оценено значение Дезами в истории развития социалистической мысли, для практики рабочего движения.

Начало глубокого исследования творческого наследия Т. Дезами было положено советской исторической наукой, статьями Г. Зайделя⁸, где было начато это исследование, и затем работами академика В. П. Волгина⁹. В. П. Волгин определил место Дезами в истории домарковского социализма. Показав слабость его теоретических позиций, он вместе с тем впервые обратил внимание на ряд вопросов творческого наследия Дезами, отмечая как особую заслугу Дезами постановку им проблемы социальной революции, активного участия в ней пролетариата, идеи о необходимости самостоятельной партии пролетариата. Нам хотелось бы остановиться на этих вопросах более подробно. Представляется интересным обратить большее внимание на то новое, что мы видим в социальной философии Дезами, в его попытках обосновать идеи социальной революции. Нам кажется, что в ряде вопросов (проблема человек и среда, теория страстей, попытка обоснования проблемы социальной революции) Дезами не просто повторил идеи французских материалистов XVIII в. и философии Просвещения, но сумел развить их дальше, обогатить их анализом социально-экономической жизни. Кроме того, Волгин сосредоточивает свое внимание на одном произведении Дезами; мы же намерены, насколько это позволяют рамки статьи, проследить эволюцию и ход его идейного развития.

В последнее время интерес к исследованию необабувистского движения, можно сказать, усиливается как в нашей стране, так и за рубежом. Американский историк С. Бернстайн, посвятивший немало работ истории социализма, бабувизма во Франции, дает обширный обзор необабувистской прессы¹⁰, где он прослеживает тенденции развития идей необабувистских органов печати, различные оттенки и направления, существовавшие внутри этого течения, дает оценку «L'Egalitaire», журналу, издававшемуся Дезами.

Историк из ГДР В. Зейдель-Хешнер¹¹, занимаясь исследованием идей представителей «рабочего коммунизма» в Германии и Франции (Вейтлинга, Дезами, Лапоннерэ, Лаотьера, Пийо, Бланки), высоко оценивает их вклад, в том числе и Дезами, в разработку вопроса о роли пролетарских масс в грядущей революции, их попытки материалистического подхода к явлениям исторического процесса.

Работа советского историка И. Зильберфарба¹² прямо не касается идей и творческого наследия Дезами. Но останавливаясь на влиянии, которое оказала на социалистическую мысль социальная философия Ш. Фурье, И. Зильберфарб не только дает высокую оценку идейному и творческому наследию Т. Дезами, с чем мы солидарны, но, на наш взгляд, намечает интересный подход в освещении того нового, что мы видим (в частности, в вопросе человек и среда) в социальной философии Дезами.

⁶ *Sencler G.* Op. cit., p. 124.

⁷ *Kahane A. T. Dézamy. Leben und Theorie.* Gessen, 1922.

⁸ *Зайдель Г.* Теодор Дезами.— «Под знаменем марксизма», 1924, № 1, 3.

⁹ *Волгин В. П.* Утопический коммунизм Дезами.— В кн.: *Дезами Т.* Кодекс общности. М., 1956; *он же* Французский утопический коммунизм. М., 1960.

¹⁰ *Бернстайн С.* Необабувистская печать 1837—1848 гг.— В кн.: *Французский сжегодник.* 1960. М., 1961.

¹¹ «*Jahrbuch für Geschichte*», Bd. 5, Berlin, 1971.

¹² *Зильберфарб И.* Социальная философия Шарля Фурье. М., 1964.

Впервые с изложением своих взглядов Дезами выступает в 1838 г., когда Академией моральных и политических наук был объявлен конкурс сочинений на тему: «Почему нации более успешно продвигаются в области науки и знаний, чем в области практической морали?» В декабре этого же года Дезами представил на конкурс свою работу под названием «Вопрос, поставленный Академией моральных и политических наук»¹³. Видимо, в это время он приехал в Париж из Вандеи, родных мест, где до этого был школьным учителем. В Париже Дезами вступил в тайное республиканское общество «Времена года», существовавшее в столице в 1837—1839 гг., но точная дата вступления его неизвестна.

В своей первой работе Дезами выступает как горячий поборник борьбы за установление справедливого общества, за устранение социального зла. Дезами — страстный поклонник идей Просвещения; он высказывает свои симпатии к Ф. Буонарроти, Р. Оуэну, Ш. Фурье.

Главную причину пороков современного общества они видят в испорченности нравов, которые «извратили все достижения цивилизации»¹⁴, придали дурное направление человеческому характеру, страстям и тем самым «повергли человечество в хаос и варварство»¹⁵. Выход он видит в правильном воспитании, которое придаст гармоническое и равномерное развитие человеческим страстям, создаст необходимую гармонию интересов, равновесие в понимании долга и обязанностей¹⁶. Но это возможно только в обществе, основанном на принципах равенства. Дезами отвергает сенсимонистский и фурьеристский принцип распределения.

Рассматривая взгляды Дезами, изложенные в этой работе, мы должны учитывать, что это конкурсное сочинение, и поэтому можем предположить, что в действительности взгляды Дезами на характер преобразования общества были более радикальными, чем изложенная здесь просветительская схема, дополненная идеями Фурье о создании общества полной гармонии.

1840 год для французского рабочего движения был отмечен подъемом стачечной борьбы, усилением активности коммунистической прессы, созданием ряда тайных рабочих обществ. Дезами в гуще этих политических событий. Этот год был для него чрезвычайно насыщенным. В мае-июне вышли два номера журнала «L'Egalitaire»¹⁷, который занимает видное место в истории необабувистской прессы; Дезами был его главным редактором. Освещение тяжелого положения рабочих, факты рабочих выступлений, критика существующих социальных порядков занимают главное место на страницах журнала. В рассуждениях о путях устранения социального зла журнал, как он заявляет, далек от того, чтобы возбуждать массы и «сеять чувство ненависти и мщения»¹⁸.

Но тут же мы читаем: «Не может ли народ прийти к убеждению, что закон возмездия необходим? Не может ли опыт показать ему, что слепое и апатичное подчинение более пагубно, чем умелая и упорная стойкость?»¹⁹ В следующем номере мы читаем: «Настало время бросить клич тревоги всем сторонникам идеи социального равенства (l'égalité sociale)»²⁰.

Пытаясь обосновать необходимость общества «социального равенства», Дезами повторяет идеи просветителей о праве человека на счастье,

¹³ *Dézamy T.* Question proposée par l'Académie des Sciences morales et politiques. Paris, 1839.

¹⁴ *Ibid.*, p. 31, 65.

¹⁵ *Ibid.*, p. 22.

¹⁶ *Ibid.*, p. 25.

¹⁷ «L'Egalitaire, journal de l'organisation sociale». Paris, 1840.

¹⁸ «L'Egalitaire», 1840, N 1, p. 20.

¹⁹ *Ibid.*, p. 19.

²⁰ «L'Egalitaire», 1840, N 2, p. 34.

являющееся правом от природы, и о необходимости умело направлять интересы людей, развивать в каждом человеке чувство бескорыстной любви, как основу социального здания²¹.

Мы чувствуем противоречие, которое складывается в построениях Дедами, между практическими выводами о возможных активных действиях со стороны «несчастных пролетариев» и рационалистической аргументацией в пользу общества будущего, рецептами морального, нравственного воспитания. Своей социальной философией, которая соответствовала и обосновывала бы его революционные настроения, у Дедами пока еще нет.

В том же 1840 г., в июле, в Бельвиле состоялся коммунистический банкет, в котором приняло участие 1200 рабочих; главными организаторами его были Пийо и Дезами.

Основной лозунг, звучавший в речах выступавших на банкете рабочих: «За социальное равенство! За социальную общность»²². «Без социального равенства,— заявил в своем выступлении рабочий Велликюз,— политическое равенство является смехотворным и лживым». В выступлении рабочего Розье мы читаем: «Политическая реформа без социальной реформы — гнусная ложь»²³. Дезами произнес тост: «За освобождение рабочих! За эгалитарное воспитание!» Все тосты, как и тост Дедами, были краткими, и здесь трудно требовать изложения взглядов, доктрины. И все же внимательное чтение контекста речи Дедами позволяет понять его лозунг «За освобождение рабочих!», «За эгалитарное воспитание!» как антитезу фурьеристскому принципу ассоциации: капитал, труд, талант. Он стоит за общество, «где нет ни монополистов, ни привилегий, ни богачей, ни рабов, ни хозяев»²⁴. Он стоит за распространение и торжество идей равенства, за эгалитарное воспитание. В том же 1840 г. после вынужденного закрытия «L'Egalitaire» Дезами приступает к изданию журнала «Le Communautaire»²⁵. Планы Дедами были обширными; как видно из проспекта, в журнале предполагалось излагать принципы философии наряду с текущими политическими событиями. Но дело ограничилось выходом проспекта. Из идей, изложенных в проспекте, мы еще раз убеждаемся в прочных материалистических позициях Дедами в области философии природы. «Помимо общей субстанции не существует ничего и деизм есть чистый вымысел человека»²⁶. Целью социальной организации является правильное направление человеческих интересов, и ситуация, при которой этого можно достигнуть,— общность»²⁷.

В 1841 г. Дезами, видимо, принял участие в еще одном необабувистском журнале — «L'Humanitaire», хотя многие положения этого журнала были ему чужды (грубая уравнительность, анархистские настроения).

Сама логика изложения фактов показывает нам, что Дезами находился в центре борьбы передовой части французского пролетариата тех лет. Он стремился к объединению всех сторонников идей социального равенства (*égalité réelle*), о чем не раз говорил на страницах издаваемых им журналов. И, видимо, поэтому ряд лет, стремясь предотвратить раскол в рядах сторонников этого движения, он сотрудничал с Кабе, возглавлявшим мирное направление в рабочем коммунистическом движении Франции. Однако в 1844 г. он идет на разрыв с Кабе. Ниже мы более подробно остановимся на причинах этого разрыва, но здесь уместно отметить, что во всех прошедших перед нами устных и печатных выступле-

²¹ «L'Egalitaire», 1840, N 1, p. 3.

²² Речь, произнесенная на банкете, цит. по брошюре: «Premier banquet communiste». Paris, 1840.

²³ Ibid., p. 7, 9.

²⁴ Ibid., p. 5.

²⁵ «Le Communautaire, journal démontrant la science sociale». Paris, (s. a.).

²⁶ Ibid., p. 1.

²⁷ «Le Communautaire», p. 2.

ниях Дезами говорил о необходимости борьбы за установление общества социального равенства. Если мы и видели его призывы «ко всем разумным и благородным людям примкнуть к уравнителям», то они не имели ничего общего с коммунистическими проповедями «всеобщего братства и любви» Кабе. В полемической работе²⁸, критикующей линию и тактику Кабе, Дезами писал: «Основное заблуждение — думать, что только при содействии буржуазии можно добиться торжества строя общности».

Поэтому разрыв был неминуем. Видимо, этот разрыв и стремление поскорее выступить с развернутым изложением и обоснованием своих взглядов ускорили работу Дезами над завершением его основного труда — «Кодекса общности»²⁹, над которым он работал уже несколько лет. Мы видели, что пока аргументация, приводившаяся Дезами в пользу режима общности, лишь повторяла идеи французских просветителей о естественных правах человека, о праве человека на счастье, данное ему самой природой. В «Кодексе общности», вышедшем в 1842 г., Дезами последовательно защищает коммунистические идеи, более четко отстаивает революционные бабувистские традиции и пытается выдвинуть свою аргументацию, свою социальную философию в пользу строя общности, показать необходимость социальной революции, решительных революционных действий. Он стал одной из наиболее видных фигур революционного крыла в рабочем коммунистическом движении Франции 30—40-х годов, течения, которое вошло в историю под названием «необабувизма». «Кодекс общности» стал одной из наиболее популярных книг в среде передовых рабочих. Сансье в уже упоминавшейся работе пишет, опираясь на материалы судебного следствия по делу тайной рабочей организации «Революционно-коммунистическое общество»: «...Руководители [этого общества] были связаны с Шарассеном, Мэйем, Савари, Дезами, Пийо, Лаотьером, Шароном, бабувистами различных оттенков»³⁰. Далее он пишет, что члены общества «...обсуждали «Le Populaire» Кабе, «Кодекс общности» Дезами...»³¹

Видимо, с целью более широкой пропаганды идей «Кодекса общности», а также с целью объединения сторонников этого направления, Дезами и его ближайшие соратники издали в 1843 г. «Almanach de la Communauté», который, представляя собой сборник статей по философским и социальным вопросам, освещал также текущие события. «Almanach» популяризировал идеи «Кодекса общности». Он был конфискован в том же году, а Дезами и другие его издатели были присуждены к 8 месяцам тюрьмы и денежному штрафу.

«Кодекс общности» и «Almanach» знаменует вершину творческой мысли Дезами.

Изложению своих социологических воззрений Дезамп предпослал философский очерк, где он последовательно, без колебаний защищал материализм, выступал сторонником теории атомистического строения материи, защищал лучшие традиции французского материализма XVIII в. в воззрениях на природу, правда, со всеми присущими ему слабостями (грубый механицизм, метафизичность)³². Отправным моментом его социологической системы и критерием ее является человек или, как пишет Дезами, «наука о человеческом организме, иными словами, знание человеческих потребностей, способностей и страстей»³³.

Человек, находящийся в центре внимания Дезами, порожден природой и тесно связан с ней. Этот человек наделен страстями. «Слово страсти

²⁸ *Dézamy T. Calomnies et politique de M. Cabet. Paris, 1842 (ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 1, № 106).*

²⁹ *Code de la Communauté. Paris, 1842.*

³⁰ *Sencier G. Op. cit., p. 271—272.*

³¹ *Ibid., p. 306.*

³² *Дезами Т. Кодекс общности. М., 1956, с. 421—429*

³³ Там же, с. 78—81.

означает³⁴ приведенные в действие способности». «Страсти — это побудительная причина активности; они неизбежно происходят от чувствительности»³⁴. «Разве не верх безумия намереваться уничтожить страсти... Только человек, одаренный, вдохновленный сильными страстями, способен творить великие дела»³⁵.

Но какова природа формирования страстей, что оказывает влияние на их развитие? «Появляясь на свет,— пишет Дезами,— человек не приносит с собой ни талантов, ни пороков, ни добродетелей; он приносит с собой только способности и потребности. Его отношения с внешним миром превращают эти потребности в побудительные мотивы его деятельности. Они (страсти) становятся более или менее положительными или более или менее отрицательными в соответствии с тем направлением, которое им дано, направлением, которое само целиком присуще *социальному положению*»³⁶. Дезами приходит к выводу: «...наши страсти не что иное, как социальные свойства»³⁷. Но как Дезами конкретизирует определение «социальное положение»?

Всю книгу Дезами пронизывает мысль, которую он иллюстрирует на конкретных примерах, что пороки, преступления в современном обществе проистекают из режима именно частной собственности. И напротив, при строе общности добродетель, истинная мораль будут рождаться как бы сами собой. Эта тема пронизывает всю книгу, и Дезами стремится раскрыть ее на самых различных примерах.

Как пишет он, собственность — «тлетворное и ядовитое растение, иссушающее и разлагающее своим тлетворным дыханием все, к чему она приближается... Упраздните собственность, и вы увидите, как исчезнет масса порочных неестественных потребностей»; «...система общности обладает потенциальной возможностью и силой, чтобы поставить в порядок дня все добродетели!»³⁸

Только режим общности может дать правильное направление человеческим страстям, ибо он «дает удовлетворение всем потребностям, способствует проявлению всех страстей»³⁹.

Под общностью Дезами понимает «наиболее полное единство: единство во всем — единство воспитания, языка, труда, владения, жилища, образа жизни, законодательства, политической деятельности и т. д.»⁴⁰ И далее: «...обобществление всех орудий труда, всех продуктов труда, всех богатств»⁴¹.

В этих рассуждениях Дезами мы чувствуем влияние социальной философии французских материалистов XVIII в., в частности их учения о человеке и окружающей среде. Сам Дезами не раз ссылается на них, особенно на Гельвеция, которого он высоко ценит, цитирует, называет «бесмертным».

Еще К. Маркс в «Святом семействе» отметил «...связь между учением материализма о прирожденной склонности людей к добру... о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека... и т. д.— и коммунизмом и социализмом»⁴². И тут же Маркс замечает: «...связь материализма XVIII века с английским и французским коммунизмом XIX века нуждается еще в обстоятельном освещении»⁴³.

³⁴ Дезами Т. Кодекс общности, с. 226.

³⁵ Там же, с. 226, 227.

³⁶ Там же, с. 427.

³⁷ Там же, с. 233.

³⁸ Там же, с. 272, 361, 102

³⁹ Там же, с. 81.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 456.

⁴² Маркс К. и Энгельс Ф Соч, т. 2, с. 145

⁴³ Там же, с. 147.

В рассуждениях Дезами о взаимоотношении человека и среды мы не видим слепого повторения идей материалистов XVIII в. Для последних формирующая человека окружающая среда — это совокупность политических учреждений, форма законодательства прежде всего. Гельвеций писал: «Пороки и добродетели народов являются всегда неизбежным следствием его законодательства»⁴⁴. Решающую роль в формировании личности Гельвеций отводил не сфере материальной жизни, а политическому строю, одному из элементов надстройки.

В понимании Дезами среда, формирующая личность человека, его нравственный мир, мораль — это прежде всего форма собственности, характер труда, образ жизни. Дезами приходит к социальному определению среды, как совокупности прежде всего материальных условий жизни человека, причем как главный элемент этой среды он выделяет форму собственности.

Проблему человек и среда, теорию страстей, их происхождения и формирования развивали социалисты-утописты, Ш. Фурье и Р. Оуэн, исходившие также из наследия материалистов XVIII в.

Сам Дезами признавал огромное влияние на него этих двух мыслителей и в ряде глав своего труда приводит обширные выдержки из Фурье, особенно об организации труда в обществе будущего, характере воспитания.

Но посмотрим, как развивал Фурье вопросы: человек и среда, природа страстей.

«... притяжение по страсти, — писал Фурье, — это побудительная сила, данная природой раньше способности рассуждать, и упорная, несмотря на противодействие разума, долга, предрассудка и пр.»⁴⁵ И далее: «... счастье ...состоит в полном влете страстей»⁴⁶.

Критикуя строй цивилизации, Фурье все зло видит в дисгармонии страстей, к которому привели порядки современного общества. Он не обращает острей своей критики против господствующей в обществе формы собственности. Главная задача для него — это правильное развитие страстей путем организации труда, когда человек выбирает вид деятельности по страсти, когда в результате дробно-комбинированной системы труда исчезает однообразие и труд становится наслаждением. «Искусство ассоциировать, — пишет Фурье, — состоит только в умении образовывать и развивать в полном согласии массу или фалангу серий по страсти»⁴⁷.

Дезами более конкретен и точен в определении социального содержания среды. Мы солидарны с замечанием И. Зильберфарба о том, что «определяющим же деятельность человека... фактором, с точки зрения Дезами, как и Фурье, является социальная среда»⁴⁸. Но нам хотелось подчеркнуть то новое, что внес в это определение Дезами, что отличало его подход в этом вопросе от подхода Фурье. Мы не останавливаемся здесь на других различиях идей Дезами и Фурье, что уже отмечалось и что не входит в рамки данной статьи (различие их политического идеала, отношения к пролетариату, теологическая окраска учения Фурье о страстях).

Дезами был хорошо знаком и с учением Р. Оуэна, основные положения которого, его идеи об образовании человеческого характера уже сложились ко времени написания «Кодекса...» Оуэн писал: «...человек ни в малейшей степени не управляет образованием собственных свойств или способностей ... он... то, что сделало из него общество»⁴⁹.

⁴⁴ Гельвеций. Соч., т. 1. М., 1973, с. 438.

⁴⁵ Фурье Ш. Избр. соч., т. III. М., 1951—1954, с. 113.

⁴⁶ Там же, с. 128.

⁴⁷ Там же, с. 122.

⁴⁸ Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье, с. 247.

⁴⁹ Оуэн Р. Избр. соч., т. 1. М., 1950, с. 243—244.

И далее: «...для полного изменения людей, предусматриваемого докладчиком, нужно обеспечить создание новых условий, которые... будут соответствовать законам природы...»⁵⁰

Оуэн в своей критике современных социальных порядков пошел дальше Фурье и выступил с резкой критикой частной собственности. Но его «терпимость к буржуазии», как писал Энгельс, «миролюбивое» отношение к существующему порядку⁵¹ снижали социальную направленность этой критики.

Но для Дезами проблема человек и среда, теория страстей — лишь отправной момент (а не центральная идея, как у Фурье) его социальной философии. Придя к выводам о том, что человек является не только продуктом природы, существом биологическим, но и продуктом социально-экономической среды, Дезами уже не мог основой общественной организации считать законы природы. Для выяснения контуров будущего общества необходимо, писал Дезами, «изучение человека и всех его модификаторов»⁵². «В наши дни,— замечал он,— рационалистическое и синтетическое изучение человека и конкретного мира начинают превалировать над бесплодными терзаниями абстракции... Опасность увлечения абстракцией будет избегнута унитарным и комплексным изучением человека, внешнего мира и социальной среды»⁵³. Таким образом, основой для социальной науки является «знание трех вещей: 1) человека, 2) общественного организма, 3) внешнего мира»⁵⁴. Он не мог просто повторить тезис философии просвещения о том, что общество создается по образу и подобию природы. Мы нигде не найдем у Дезами выражения «естественные законы» при определении общественных законов. Он сделал шаг в сторону от строгих канонов естественноправовой теории. Попутно заметим, что, видимо, это сказалось и в выборе названия книги — «Кодекс общности», которое, с одной стороны, напоминает известное произведение Морелли «Кодекс природы», с другой — полемизирует с ним.

Вполне понятно, что и понимание структуры общественного организма у Дезами гораздо сложнее, чем у мыслителей XVIII в.

Так Дезами, придя к пониманию огромной роли экономической, социальной сферы в жизни общества, в общественном организме разграничивает «основные законы» и «политические законы». «Основные законы... вечны и неизменны; они возникли раньше любого политического строя и более совершенны, ибо исходят от самой природы... Основными называются определенные законы, составляющие первооснову, на которой зиждется все социальное здание»⁵⁵. Но, раскрывая это положение, он к «основным законам» относит «законы о распределении, план и организацию коммуны, общие трапезы и общественные работы»⁵⁶ и замечает: «Не следует смешивать основные законы с законами конституционными... они подвергаются изменениям и носят временный характер»⁵⁷.

Конечно, развивая материалистический подход к вопросу о строении общественного организма, деля его на экономическую, социальную сферу и сферу политическую, Дезами использовал тот более высокий уровень, которого достигла социальная наука в то время. Работы Дезами свидетельствуют о его серьезном знакомстве с системой Фурье, идеями сенсимонистской школы, а они, как известно, обращали большое внимание на сферу экономической жизни, они связывали с развитием производительных сил успехи общественного прогресса.

⁵⁰ Оуэн Р. Избр. соч., т. 1, с. 246.

⁵¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 459.

⁵² Дезами Т. Кодекс общности, с. 427.

⁵³ Там же, с. 390.

⁵⁴ Там же, с. 388.

⁵⁵ Там же, с. 83.

⁵⁶ Там же, с. 82.

⁵⁷ Там же, с. 83.

Как мы уже отмечали, проблема человек и среда была поставлена Дезами лишь как отправной пункт для обоснования революционно-практических выводов его социальной философии. Именно от того, что вкладывалось в понимание среды, зависело, как разрешалась эта проблема. Материалисты XVIII в., сводя понимание среды к совокупности политических и моральных факторов, решали вопрос о ее изменении путем усовершенствования характера, распространения истинной морали и нравственности, как мирный, безболезненный для общества процесс.

Фурье, внесший в эту проблему элементы социально-экономического подхода, но не затрагивавший главного (формы собственности), видел свой путь в гармоническом развитии страстей, в процессе добровольного слияния всех интересов. Дезами, углубивший социальный подход в понимании этих вопросов, усматривавший корень зла в частной собственности, путь изменений этой среды видел только в социальной революции. Он настаивает на том, что нужно начинать именно с социальной революции, а не с политических преобразований, что «...значило бы упорно начинать строить огромную пирамиду с верхушки»⁵⁸. «...Что значат все ваши бесполезные паллиативы»⁵⁹, — восклицал Дезами. — Вы признаете за народом политические права, но отказываете ему в хлебе насущном... Где найти более убедительное доказательство всей ненормальности и обмана, который кроется в этом странном спаривании политического права и социального рабства?»⁶⁰ «Вопрос теперь поставлен открыто. Равенство или неравенство; королевская власть, основанная на божественном праве, с одной стороны, коммунизм — с другой; между двумя этими системами нет середины»⁶¹.

Дезами попытался дать бабувистским идеям о социальной революции теоретическое обоснование, идущее от социальной, экономической сферы.

Но эту проблему (человек и среда) Дезами должен был довести до конца, выяснить не только путь преобразования, но и каковы практические силы его. Дезами — внимательный наблюдатель острых социальных конфликтов, классовых выступлений рабочего класса — понимал, что его программа коренной социальной революции не может быть решена мирным путем. Он говорит о невозможности примирения как со стороны доведенных до отчаяния пролетариев, так и со стороны господствующих классов. «Можно ли удивляться, — восклицал Дезами, — ...что столько уязвленных сердец изливают проклятия на социальный порядок... что иной раз даже эти несчастные... выведенные из оцепенения нуждой и отчаянием, неистово потрясают своими тяжелыми цепями и грозно возвышают голос: жить! работать или умереть сражась!»⁶²

Господствующие классы, со своей стороны, «возможно, понимают, в чем кроются основные пороки общества... но они остерегаются тронуть эти пороки»⁶³.

Но, как мы это чувствовали в работах, написанных до «Кодекса общности» (здесь это звучит более приглушенно), Дезами допускает возможность обойтись без кровавых столкновений (заметим, что это не имеет ничего общего с идеями классового мира). Эта двойственность шла от гуманистической схемы, которую Дезами так и не сумел преодолеть. Несмотря на его материалистические догадки в области общественных явлений, в конечном итоге сама идея общности исходит из природы и этому чувству могут быть подвластны все. Развивая материалистический подход к явлениям общественной жизни (природа страстей, понимание среды, вы-

⁵⁸ Там же, с. 104.

⁵⁹ Там же, с. 326.

⁶⁰ Там же, с. 414—415.

⁶¹ Там же, с. 406—407.

⁶² Там же, с. 151.

⁶³ Там же, с. 214—215.

деление экономической сферы, как определяющей), он был далек от того, чтобы вскрыть историческую неизбежность коммунистического общества, обусловленную ходом экономического развития.

Но Маркс, несмотря на эти слабые стороны, высоко оценил место Дезами в истории социалистической мысли. Если в более ранний период, осенью 1843 г., не будучи еще хорошо знаком с работами Дезами, он, объединив его со всем тогдашним утопическим коммунизмом, писал: «...догматической абстракцией является в особенности коммунизм... в той форме, как его проповедают Кабе, Дезами, Вейтлинг и т. д.»⁶⁴, то за время пребывания в Париже (1843—1845 гг.), в ходе работы над «Святым семейством», Маркс внимательно изучает и делает выписки из работ Дезами. Теперь он уже не только выделяет Дезами среди других представителей тогдашнего коммунизма, а отмечает у него развитие материалистических традиций в противовес Кабе, которого называет «поверхностным», отмечает «реальный гуманизм» идей Дезами⁶⁵.

Действительно, Дезами и его направление отличал последовательный материализм в области философии; мы видели творческое развитие им идей французских материалистов XVIII в., проявившееся в попытках материалистического подхода и к явлениям общественной жизни. Наконец, мы видели более трезвый, реальный подход и к вопросам о путях достижения коммунистического идеала, чем это было, например, у Кабе и других представителей тогдашнего коммунизма.

* * *

Но взгляды Дезами на проблему социальной революции заслуживают пристального внимания не только в связи с попыткой дать философское обоснование этой проблемы. Еще больший интерес представляет разработка им практической стороны этой проблемы: характеристика движущих сил революции, роли пролетариата в ней.

Для выяснения всех этих вопросов Дезами обращается прежде всего к состоянию современного общества, его экономики, к положению и взаимоотношению различных слоев. Дезами отмечал концентрацию промышленной продукции в руках немногих, «коалицию верховных пашей», дух конкуренции и монополии, подавления и антагонизма: «Разве вы (мелкие предприниматели— С. Н.) не находите постоянно во власти банкиров, посредников, биржевиков, крупных фабрикантов и капиталистов?... Сколько сотен, сколько тысяч мелких владельцев предприятий оказалось бессильными устоять против их страшной конкуренции!.. Да и сами мелкие промышленные и торговые предприятия, разве недостаточно активно они разоряли, пожирали друг друга?»⁶⁶.

«Промышленным феодализмом» называл Дезами, вслед за Фурье, дух, царивший в экономике современного ему общества.

Дезами характеризовал положение различных слоев общества и особенно заострял внимание на положении трудящихся. «Что представляет собой их горестное существование, если не медленную и жестокую агонию». Их жилища — «сырые и холодные лачуги, где нехватает воздуха и солнца». Их положение — это положение «...неповинных рабов ... скованных ошейником нищеты»⁶⁷.

И хотя на первый взгляд Дезами полностью следует за Фурье в анализе состояния современного общества, в освещении тяжелого положения трудящихся, — это лишь внешнее сходство; выводы Дезами иные. Социалисты-утописты давали картину общей придавленности. Дезами, напро-

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 379.

⁶⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 146.

⁶⁶ Дезами Т. Кодекс общности, с. 189—191.

⁶⁷ Там же, с. 151, 377, 149.

тив, пытаясь проанализировать социальную структуру современного общества, видит глубокий антагонизм в современном обществе.

Говоря о неравенстве условий жизни в современном обществе, характеризуя два различных его полюса, он пользуется терминологией: «буржуа» и «пролетарии». В другом месте он пишет: «Prolétaire — это те, кто не имеет никаких доходов; petit propriétaire — это те, дохода которых хватает для обеспечения самых необходимых нужд; grand propriétaire — чей доход превышает разумные потребности»⁶⁸. Линия классового антагонизма, которую дает Дезами, в большей мере отражает истинное положение в сравнении со школами утопического социализма тех лет. Последние на фоне картины общей придавленности основную линию конфликта проводили между «трудящимися и бездельниками» (сенсимонисты), «предпринимателями и рабочими». Такая характеристика взаимоотношения социальных групп не исключала выводов о классовом сотрудничестве, классовом мире. И сами «патриархи социализма» и их ученики изыскивали средства для предотвращения революционной катастрофы, считали возможным проведение социальной реформы с помощью классового сотрудничества.

Линия классового антагонизма, поляризация в обществе, которую проводит Дезами (буржуа и пролетарии), более точна в сравнении и с бабувистским определением антагонизма между «бедными» и «богатыми». Конечно, во времена деятельности бабувистов, когда общая масса народа, противостоявшая аристократии, только начала дифференцироваться, иная оценка классовых взаимоотношений была невозможна.

Дезами дифференцировал массу народа, противостоящую монополистам, он выделял «пролетариат», хотя содержание этого понятия у него не совсем точно. Определяя понятие «класс», Дезами исходил из дохода, из того места, которое занимает эта группа людей в системе распределения, а не в системе производства. Это оставалось его слабым местом. Понятие «пролетариат» оставалось очень расплывчатым.

Однако в противовес проповедям классового мира утопических школ Дезами показывает остроту классовых противоречий и обосновывает невозможность их примирения в современном обществе. Единственный путь, который он считал реальным, — это путь решительных революционных действий. Дезами и его окружение предлагают следующее средство, чтобы «предупредить и заглушить зло, обратиться порочного, извращенного угнетателя к братству и разуму.

Противопоставить преступлению или несправедливости упорное, решительное, непреодолимое сопротивление»⁶⁹.

Требование решительных революционных действий, революционного ниспровержения существующего строя было характерной чертой направления, идеологом которого был Дезами. Это направление возродило революционные традиции якобинизма и главным образом бабувизма. Но Дезами и его сторонники попытались конкретизировать общие положения революционной теории, выдвинутой их предшественниками, на основе более развитых социальных отношений тех лет.

Бабувисты выдвинули тезис о вечной борьбе бедных и богатых, об участии народа в революции, они поставили вопрос о необходимости поднять народ на восстание. Но они считали, что в революции следует опираться прежде всего на небольшой круг испытанных борцов, на «Революционный комитет», организацию крайне узкую, народ же надо было увлечь за собой в ходе восстания. Действительно, неоднородность и пестрота состава массы «народа», задавленность и крайняя невежественность беднейшей его части не оставляли места для оценки активной, тем более творческой роли этих масс в социальной революции.

⁶⁸ Almanach de la Communauté. Paris, 1843, p. 79.

⁶⁹ Дезами Т. Кодекс общности, с. 383—384.

Необабувисты действовали в обстановке более развитых социальных отношений. Обстановка эта требовала конкретизации революционной программы действий. Кроме того, необходимо было противопоставить свою точку зрения школам утопического социализма, которые, сочувствуя тяжелому положению трудящихся классов, отказывались видеть в этом классе активную силу, напротив, в его выступлениях они видели проявление «грубой силы», испытывали страх перед «варварами» и считали, что улучшение положения самого обездоленного класса является обязанностью и долгом имущих классов.

Каково отношение Дезами к вопросу об участии трудящихся масс в революции?

«...Проблема близка к разрешению,— пишет он.— Свидетельством тому является великое и прекрасное интеллектуальное кипение, которым в настоящее время охвачены народные массы!»⁷⁰

Дезами не откладывал процесс просвещения, классового самообразования пролетариата на послереволюционный период, он считал необходимой пропаганду коммунистических идей в массах народа и особенно в среде «пролетариата» для завоевания их на свою сторону до восстания.

«Пролетарии,— писал Дезами,— для своего возрождения народы имеют иногда один час в столетие!.. Уже сейчас подумайте о том, что только изучение социальных вопросов даст вам возможность использовать его!»⁷¹ И далее: «Изливайте, изливайте истину на голову пролетариата: вы обязаны окрестить его истиной!»⁷²

В своем критическом труде, направленном против мирного, икарыйского коммунизма Кабе, сбрасывающего со счетов всякую активную деятельность пролетариата, Дезами, полемизируя, писал: «Пролетарии! Это именно к вам обращаю я свои мысли, к вам, которые столько раз уже были преданы, обмануты... Если и снова вы оцепенеете в слепом доверии... опасайтесь испытать еще раз жестокие и смертельные разочарования!!!»⁷³

Интересно, что в «Almanach de la Communauté», главным редактором которого был Дезами, в статье, принадлежащей одному из его ближайших соратников, Навелю, к пролетариату обращены такие слова: «Изучайте социальную организацию, чтобы затем по праву принять участие в правительстве и управлении всеми делами»⁷⁴.

Видимо, настроения, близкие к этим, испытывал и Ж. Пийо, который, к сожалению, после событий 12 мая 1839 г. находился в тюрьме и не участвовал в активной революционной деятельности. В своих работах Пийо также отмечает остроту противоречий в современном обществе и не видит возможности к их примирению⁷⁵. Он признает за народом право на сопротивление. «Народ может и должен изменить свою социальную организацию, как только это изменение покажется ему необходимым или даже полезным»⁷⁶. Задачу свою Пийо также видел в пропаганде в среде народа идей «общности», «подлинного равенства»⁷⁷. Однако мы видим, что Пийо обычно говорит о «народе», а не о «пролетариате» и мысли его об активной роли масс в момент восстания выражены не столь определенно, как у Дезами.

Можно сказать, что Дезами и его ближайшие соратники увидели в пролетариате активную самостоятельную силу революции, пролетариат в их оценке впервые предстал как творческая, созидательная сила, осуществ-

⁷⁰ Дезами Т. Кодекс общности, с. 75.

⁷¹ Там же, с. 417.

⁷² Там же, с. 216.

⁷³ Dézamy T. Calomnies et politique de M. Cabet, p. 47.

⁷⁴ Almanach de la Communauté, p. 16.

⁷⁵ Pillot J. Ni châteaux ni chaumières. Paris, 1840, p. 22—24.

⁷⁶ Ibid., p. 25.

⁷⁷ Ibid., p. 35—37.

ляющая революцию, а после революции участвующая в создании и управлении нового общества. Впервые наступает разрыв с традицией представлять этот класс лишь как задавленный, обездоленный, нуждающийся в помощи.

С этими идеями Дезами тесно связаны его высказывания о той организации, которая руководит революционными действиями. Дезами, несомненно, видел и понимал необходимость организации, которая вела бы пропаганду в рабочих массах. «Народная партия, — писал он, — столь неуверенная и малочисленная в 1830 г., подвергавшаяся позднее стольким гонениям... разобшенная и распыленная... сегодня она более сильна, чем когда-либо»⁷⁸. Здесь Дезами имеет в виду постепенный рост числа сторонников идей «подлинного равенства» в 40-х годах в среде рабочих.

Надо отметить, что взгляды Дезами и его окружения на революцию, революционную организацию, были чужды идей узкозаговорщических. «Я не принадлежу к числу тех, которые предвещают только бури»⁷⁹, — писал Дезами. «Мы не советуем искать путь к свержению через изолированные заговоры»⁸⁰, — писал в «Almanach» уже известный нам Навель. Но эти взгляды Дезами так же далеки от подлинного марксистского учения о партии, как приблизительно и неточно его определение «пролетариата», движущих сил революции.

Но сама постановка вопроса о партии, о необходимости связей ее с рабочими массами, об активном участии пролетариата в революции — все это представляет большой интерес и является развитием общих положений революционной теории бабувистов.

К революционным настроениям, которые высказывали Дезами и его сторонники, был очень близок Бланки. В рамки нашей статьи не входит оценка и подробное освещение роли Бланки в пропаганде идей бабувизма, тем более что по этому вопросу имеется обширная литература. Но в плане постановки проблемы данной статьи, и учитывая период, который она освещает, представляется интересным провести некоторое сравнение.

Бланки в этот период не раз высказывался за необходимость социальной революции⁸¹, он был яркой, популярной фигурой в тайных рабочих обществах. Но мы нигде не видим у него попытки дать обоснование, теоретическое выражение его революционным идеям. Анализ социальной дифференциации, градация социальных групп, которую он проводит, поверхностны. В его понимании пролетариат — это «тридцать миллионов французов», как заявил он в уже упомянутой речи. Градация, которую он проводит, мало чем отличается от бабувистского деления на «бедных» и «богатых». Мы не видим у Бланки попытки осмыслить активную и творческую роль пролетариата в революции. Для его направления более характерна тактика тайных заговоров, авангардизма.

Поэтому, на наш взгляд, в сравнении с бланкистским движением, Дезами и его сторонники представляли направление более научное, стремившееся дать теоретическое обоснование революционным бабувистским идеям, осмыслить активную, творческую роль пролетариата в революции.

Дезами и его направление вели полемику с мирным, икарыйским, направлением в рабочем коммунистическом движении Франции тех лет. В 1842 г. Дезами выпускает свой полемический труд против Кабе. Дезами объясняет, что в течение ряда лет он не шел на разрыв с Кабе, даже сотрудничал с ним, в целях единства коммунистического движения и надеялся «убедить Кабе в правильности своих принципов»⁸². Он и сейчас выступил с этой брошюрой с единственной целью — выработать общую

⁷⁸ Дезами Т. Кодекс общности, с. 244.

⁷⁹ Там же, с. 75.

⁸⁰ Almanach de la Communauté, p. 14.

⁸¹ Речь на процессе по делу общества «Друзья народа»; документы рабочих организаций «Семейства» и «Времена года».

⁸² Dézamy T. Calomnies et politique de M. Cabet, p. 47.

программу, так как «теперь, как никогда, важно торопиться найти общую почву, на которой может объединиться пролетариат»⁸³.

Излагая основные причины расхождения, Дезами высказывает свое несогласие с идеями деизма во взглядах Кабе и пишет, что «рай находится здесь, на этой земле»⁸⁴. Дезами отличает более научный подход к коммунистическим идеям. Полемизируя с Кабе, он пишет, что доктрина о «самопожертвовании, на которой Кабе возводил здание коммунистического общества, никогда не была приемлема для него»⁸⁵.

В первой части статьи мы видели более реальный подход Дезами к этим вопросам, попытку его теоретической разработки. Но главную причину расхождения Дезами видит в оценке путей достижения коммунистического идеала и роли пролетариата в этом движении. Выше мы уже приводили его слова из этой работы о том, что надеяться на содействие буржуазии — это главное заблуждение⁸⁶. Он ставит в вину Кабе его недоверие к самостоятельным действиям пролетариата и, вспоминая события коммунистического банкета в Бельвиле, пишет: «...Вы были очень недовольны тем, что пролетариат самостоятельно осмелился поднять знамя общности, не имея во главе кого-либо из буржуазии»⁸⁷. Дезами считает «политической диверсией»⁸⁸ такую форму участия в буржуазном парламенте, которую предлагает Кабе, когда «напыщенными фразами и иллюзорными обещаниями усыпляется энергия народа»⁸⁹. Заметим попутно, что вообще Дезами не отрицал необходимость борьбы за политические свободы⁹⁰. Свою философию, в отличие от мирного, икарыйского, коммунизма, Дезами называл «революционной философией»⁹¹.

Пропаганда идей подлинного равенства, обращение к рабочему классу, оценка его как самостоятельной, активной силы в революции была чрезвычайно важна для практики французского рабочего движения в обстановке 30—40-х годов XIX в., когда рабочее движение только складывалось и буржуазные республиканцы, стремясь повести в своем русле народные трудящиеся массы, выдвигали основной лозунг в борьбе с современным злом — требование политических реформ, реформы избирательного права. Требование «социального равенства» способствовало постепенному выделению пролетарского направления в общем потоке республиканского движения. Это требование стало лозунгом наиболее передовой, хотя еще немногочисленной, части французского пролетариата тех лет.

* * *

В последующие годы (1845—1846 гг.) Дезами выпускает две работы⁹². Их анализ представляет несомненный интерес для освещения общей линии развития идей Дезами. Хотя анализ проблем, поставленных в этих работах, выходит за рамки вопросов данной статьи, нам хотелось бы заметить, что оценка этих работ, как отражение эволюции взглядов Дезами к мелкобуржуазной утопии⁹³, нам кажется неверной как в конкретном, так и в общем плане. Несмотря на то что в этих работах Дезами отходит от решительных революционных настроений и в целях немедленного улучшения условий жизни «пролетариев» предлагает реформу кредит-

⁸³ *Dezamy T.* Calomnies et politique de M. Cabet, p. 3.

⁸⁴ *Ibid.*, p. 34.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 14.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 4.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 8.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 34.

⁸⁹ *Ibidem.*

⁹⁰ *Дезами Т.* Кодекс общности, с. 407.

⁹¹ Там же, с. 257.

⁹² *Dezamy T.* Le jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme. Paris, 1845; *idem.* Organisation de la liberté et du bien-être universel. Paris, 1846.

⁹³ *Ерекин Н. А.* Теодор Дезами: от утопического коммунизма к утопии мелкобуржуазной.— «Вестник Московского ун-та. Серия XIII. Теория научного коммунизма», 1975, № 5.

ного и банковского дела, он остается верен коммунистическому идеалу и предлагаемую им общественную перестройку считает лишь промежуточной, переходной в обстановке еще недостаточной зрелости и подготовленности пролетарских масс к активной, широкой деятельности. Оценка эта неверна и в плане раскрытия общей линии идейного развития Дезами, так как не отражает того характерного и основного, что составляло сущность его идейно-теоретического наследия — революционно-коммунистическое содержание его идей.

В революции 1848 г. Дезами принимал самое активное участие. Он был членом Центрального республиканского общества, выпускал свою газету «Les droits de l'homme. Tribune des prolétaires» («Права человека. Трибуна пролетариев»). Вспомним, что газета Бабефа называлась «Народный трибун». Видимо, Дезами хотел установить связь с идеями Бабефа и вместе с тем подчеркнуть, что он обращается прежде всего к пролетариям.

Но Дезами не был активным участником борьбы в последний период революции. Поражение революции было для него большой драмой. Он не сумел правильно определить причины поражения, оценить его как временное, связанное с недостаточной зрелостью, подготовленностью и опытом пролетариата. У него не было уверенности в неизбежности конечной победы пролетариата. Видимо, поражение революции он воспринял как крах своей теории, своих идей. В 1850 г., вернувшись к себе на родину, сломленный поражением и неудачами, он умер.

* * *

Место французского революционного утопического коммунизма в истории социализма и рабочего движения значительно. Деятельность представителей этого направления сыграла немалую роль в продолжении и развитии революционных традиций во французском рабочем движении. Пропаганда идей «социального равенства», «социальной революции» в противовес ограниченным требованиям политических реформ способствовала процессу постепенного определения программы пролетарского направления в общем республиканском движении.

Требование решительных революционных действий, выдвигавшееся сторонниками этого направления, было очень важно в борьбе с аполитизмом социалистических школ, для постепенного определения позиций пролетарского крыла в революции. Пожалуй, из всего домарковского социализма только деятели этого движения пытались разработать вопрос об активном, творческом участии пролетариата в революции.

Постановка вопроса о партии, которая готовит пролетариат к активному участию в революции, имеет широкие связи, ведет пропаганду в его среде, была очень важна.

Все эти вопросы, поставленные крупнейшим представителем необабувистского направления Т. Дезами, имели большое значение для постепенного процесса складывания пролетарской идеологии.

Но творческое наследие Дезами имеет и теоретическое значение. Он пытался связать идеи коммунизма, социальной революции с решением экономических вопросов, подчеркивая первостепенное значение экономики в общей структуре общественного организма, в формировании институтов морали, нравственности, выработке политики.

Маркс знал труды Т. Дезами и, начав знакомиться с ними в ранний период деятельности, во время пребывания в Париже (1843—1845 гг.), высоко оценивал их. Сохранились пометки и подчеркивания К. Маркса, сделанные в этот период на полях книг Дезами⁹⁴.

⁹⁴ М. Lamennais réfuté par lui même (ЦПА, ф. 1, оп. 1, № 108); «Calomnies et poli-

В работе «Святое семейство», над которой Маркс работал в этот же период в Париже, он, прослеживая историю развития социалистической мысли, определил здесь место Дезами и назвал его «более научным» по сравнению с другими представителями различных школ утопического социализма и коммунизма тех лет.

В эти же годы, собираясь приступить к изданию серии брошюр по истории социализма и набрасывая план этого издания, Маркс включил туда и имя Дезами. Все это говорит о внимании К. Маркса к творческому наследию Т. Дезами⁹⁵.

Интересно отметить, что в эти годы своего пребывания в Париже Маркс знакомится с руководителями ряда рабочих организаций, с социалистами, живо интересуется революционной жизнью Парижа⁹⁶. Именно в эти годы совершается переход Маркса на позиции коммунизма и формируются его мысли о всемирно-исторической миссии пролетариата. Нам кажется, что роль в этом процессе идей и настроений, с которыми выступал Дезами и его направление, была немаловажной. Анализ идей, творческого наследия одного из представителей необабувистского направления приводит к выводу, что научный коммунизм, наряду с творческой переработкой и восприятием ряда передовых идей и воззрений, воспринял и идеи и положения, поставленные в рамках этого течения.

tique de M. Cabet» (ЦПА, ф. 1, оп. 1, № 106); «Code de la Communauté» (ЦПА, ф. 1, оп. 1, № 107).

⁹⁵ MEGA. Erste Abt., Bd. 5, S. 549.

⁹⁶ Маркс К. Биография. М., 1968, с. 53.

Тематические ссылки

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Теодор Дезами. Кодекс общности

А.Иоаннисян. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия

А.Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-41 гг.

А.Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842-47 гг.

А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм

В.Волгин. Французский утопический коммунизм:

к 200-летию со дня рождения Гракха Бабефа

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей.

Перв. половина 19 в.

ДЕЗАМИ Теодор

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#th-dez dezamy>